

Стоило войти в формацию переноса, как мир перед глазами мгновенно сменился. Густая духовная энергия сразу хлынула в меридианы Чу Синланя, и он даже ощутил смутный признак близкого прорыва.

По сравнению с шумным городком смертных внутри секты Тяньянь было до ужаса тихо. Возникало странное ощущение храма, спрятанного посреди оживлённого рынка, — будто сознание внезапно прояснилось.

— С виду Тяньянь кажется довольно бедной, а один запуск формации переноса стоит минимум один духовный камень высшего качества. Вот это размах.

Будучи человеком, который в мире культивации был беден так, что карманы звенели пустотой, Чу Синлань первым делом заметил богатство, скрывающееся под нищенской внешностью Тяньяня.

— Можно лишь сказать, что тот, кто отвечал за оформление секты, обладал своеобразным вкусом.

Чу Синлань вспомнил вычурную золотую статую в Хэхуань и решил, что на её фоне эстетика Тяньяня уже почти чистый лотос из воды.

Богатых людей в мире так много. Почему нельзя добавить к их числу ещё и его?

— Это закреплено правилами секты.

Чу Синлань был потрясён.

— Какие ещё правила секты регулируют оформление? Это уже слишком нелепо.

Когда живёшь сотни лет, действительно успеваешь увидеть какую угодно дичь.

Мин Сиюэ решил объяснить и рассказал, откуда взялось это правило.

Говорили, что несколько тысяч лет назад Тяньянь выглядела весьма роскошно и величественно. Но слишком многие секты, увидев богатство, приходили занимать деньги и не возвращали. Причём должники вели себя ещё высокомернее кредиторов. Основатель секты чуть не умер от гнева, и мир культивации едва не потерял великого гения.

С тех пор появилось первое правило: богатство Тяньяня нельзя выставлять напоказ, а деньги нельзя бездумно одалживать другим. Особенно сектам, внесённым в чёрный список.

Так вот уже несколько тысяч лет Тяньянь и жила в этом сельско-пасторальном стиле, заставляя каждого впервые увидевшего всё это молча терять дар речи.

За каждым правилом стояла какая-нибудь странная история.

Чу Синлань:

— ...

Мне кажется, иногда можно принимать решения вопреки предкам. Основатель ведь не вылезет из гроба с криками о непочтительности и не выгонит всех из школы.

Когда будет время, надо обязательно почитать весь свод правил Тяньяня.

Сан Цзинъюань всё так же держался ледяно. Какими бы странными ни были правила, он соблюдал их без возражений.

— Вступив во врата Тяньяня, достаточно почтительно соблюдать правила.

— Даосский друг Сан, а почему вы вообще решили культивировать Путь Бесчувствия? С древности до наших дней я почти не видел тех, кто сумел пройти его до конца, — Чу Синланю стало интересно прошлое Сан Цзинъюаня. Как такой выдающийся юноша, словно нефритовое дерево на ветру, увидел всю эту деревенскую обстановку и всё же решил остаться?

По опыту романов и сериалов из прошлой жизни Чу Синланя выпускники Пути Бесчувствия практически не существовали.

Культивировать этот путь — всё равно что специально создавать себе трудности на дороге к бессмертию.

Мин Сиюэ уже открыл рот, собираясь вмешаться:

— У него на это тоже есть причина...

— Дядя-наставник Мин, следите за словами, — лицо Сан Цзинъюаня потемнело. Он предупредил Мин Сиюэ не рассказывать лишнего. — Какой путь мне культивировать — мой собственный выбор.

Мин Сиюэ мысленно вздохнул с сожалением.

— Синлань, со временем сам всё узнаешь.

Чу Синлань решил, что у этого холодного красавца, вероятно, есть какое-то трагичное прошлое. Лучше не расспрашивать — слишком невежливо.

В этот момент Сан Цзиньюань получил сообщение. Соученики передавали, что печать в запретной области секты внезапно ослабла, случилась беда, а ученики, отправленные сдерживать её, уже не справлялись. Его лицо едва заметно изменилось.

— Тогда прошу дядю-наставника Мин проводить дорогого гостя.

Он поспешно ушёл, а Мин Сиюэ повёл Чу Синланя на процедуру поступления. Он прекрасно ориентировался и быстро нашёл нужное место.

— Дядя-наставник Мин, столько лет прошло, вы наконец вернулись в Тяньянь. Какая беда для секты... ах нет, какое счастье для секты!

Ученик, отвечавший за регистрацию участников отбора, узнал Мин Сиюэ. Расхлябанный парень мгновенно вскочил, чтобы поприветствовать его.

Почему этот маленький князь хаоса вдруг вернулся?!!

Репутация Мин Сиюэ в Тяньяне была полной противоположностью репутации Сан Цзиньюаня: он постоянно устраивал проблемы, бесил окружающих до желания его избить.

Услышав, что Чу Синлань пришёл по внутренней рекомендации, ученики проверили его духовные корни, затем Камнем Истинного Сердца удостоверились, что он не лжёт и не таит дурных намерений, после чего пропустили дальше.

Когда они увидели имя на нефритовой пластине, то мгновенно поняли, кто перед ними. В глазах тут же вспыхнул яркий огонёк любителей сплетен.

— Так ты и есть тот самый...

Чу Синлань с деревянным лицом отказался признавать очевидное.

— Нет! Я не он. Просто тёзка. С тем Чу Синланем у меня вообще ничего общего.

Почему в Тяньяне нельзя собрать всех из одних маленьких зануд вроде Сан Цзиньюаня? Каждый второй тут смотрит на него глазами охотника за сплетнями.

Когда он успешно вступит, надо обязательно взять даосское имя, чтобы все забыли о тех кошмарах, которые творил человек по имени Чу Синлань.

— Даосский друг Чу, на какой пик хотите поступить?

Чу Синлань без колебаний назвал давно принятое решение.

— На Пик Артефактов.

Всё, дед больше не изучает меч. Теперь дед будет развивать технологии!

Драться хуже, чем двигать технический прогресс.

Лицо регистратора стало странным, словно он увидел редкого простака, добровольно несущего деньги мошенникам.

— Пик Артефактов? Подниметесь по этой горной дороге и увидите. Вы точно хотите туда?

Неужели кто-то действительно хочет стать учеником Пика Артефактов в Тяньяне?!

Невероятно. Невероятно. Кто же его так обманул?

— Там что-то не так?

Ученик яростно замотал головой и натянуто улыбнулся.

— Что вы, всё прекрасно! Просто прекрасно! Я вижу, что господин невероятно талантлив и однажды обязательно станет великим мастером артефактов!

Истинные мастера обладали высокой культивацией. Стоило ему сказать хоть одно плохое слово о Пике Артефактов, и в следующую секунду мог прилететь меч с неба.

У того мастера широта души была не особенно велика.

— И я вот так просто иду просить принять меня в ученики? Никаких испытаний? — Чу Синлань подозревал подвох.

Во многих сектах вступление сопровождалось кучей испытаний и намеренно сложных этапов. Нужно было пройти множество препятствий, прежде чем появлялась возможность стать учеником.

Хорошие вещи редко достаются так просто.

— Зачем всё настолько усложнять? Если старейшины захотят принять — примут. Не захотят — ничего страшного, внешних учеников у нас тоже не хватает. Возможностей повсюду полно.

Чем дальше, тем подозрительнее.

— Сиюэ, с Пиком Артефактов точно всё нормально?

Мин Сиюэ улыбнулся так, что ничего хорошего эта улыбка не обещала.

— Если я скажу, что там есть проблема, ты передумаешь?

— Нет, всё равно пойду.

Чу Синлань один ступил на Лестницу Восхождения к Бессмертию и шаг за шагом отправился вверх к Пикку Артефактов. Раз уж пошёл, отступать не хотел.

Мин Сиюэ тут же последовал за ним.

— Сиюэ, для человека, который ещё недавно был моим соперником в любви, ты слишком уж заботлив, — Чу Синлань наконец начал чувствовать неладное. Он с подозрением смотрел сверху вниз на Мин Сиюэ, поднимавшегося по ступеням. — Во что ты играешь? Я не верю, что ты способен так легко влюбиться в человека. Ты используешь слухи о наших отношениях ради чего-то ещё?

Не так давно они были соперниками и взаимно подставляли друг друга. И вдруг раскрылась правда о женской одежде — и началась чистая любовь? Интуиция Чу Синланя подсказывала, что впереди ждёт огромная яма.

То, как Мин Сиюэ умеет подставлять людей, было известно всем. Чу Синлань столько лет его знал и никогда не ошибался на этот счёт.

Стоит действительно поверить, будто этот черносердечный лисёнок внезапно стал бескорыстно добрым, — и от тебя легко останутся одни кости.

В фениксовых глазах Мин Сиюэ что-то едва заметно изменилось, но улыбка осталась цветущей и ласковой. Выглядел он до невозможности «добродетельным супругом».

— Уединённая культивация тяжела. Синлань, я всего лишь хочу стирать тебе одежду и готовить еду.

Да кто тебе поверит. В твоих словах правды едва наберётся на несколько фраз.

Чу Синлань покачал головой и обнажил меч, не позволяя Мин Сиюэ идти дальше. Взгляд стал отстранённым.

— Даосский друг Мин, остановитесь. Дальше я справлюсь сам.

На каменной лестнице между ними словно появилась чёткая граница.

Чу Синлань не хотел слишком глубоко связываться с людьми этого мира. Его корни оставались в прежнем мире, а слишком много чувств и привязанностей превратилось бы лишь в цепи.

Нынешняя настойчивость Мин Сиюэ была не более чем одержимостью образом Чу в женской одежде. Он и сам не понимал собственных настоящих чувств.

Чу мог отплатить этому бывшему сопернику за помощь чем угодно другим, но оставлять такую фальшивую эмоциональную связь не стоило.

Они изначально принадлежали разным мирам.

Длинные пальцы Мин Сиюэ коснулись меча, направленного прямо ему в горло. Его взгляд скользил по Чу Синланю так, словно ладонь гладила спину. В глазах появилась такая обида, будто бессердечный муж бросил несчастную жену.

— Как жестоко. Когда я тебе нужен — ты нежен сотней способов. Перестал быть нужен — и сразу холоден как лёд. Я уже почти подумал, что Путь Бесчувствия культивируешь ты, Синлань... гэгэ.

Когда Чу Синлань ходил в женском облике, Мин Сиюэ любил вертеться рядом и звать его «цзецзе», старшей сестрой. А теперь это «гэгэ», старший брат, прозвучало намеренно соблазнительно, словно перо провело по сердцу и оставило щекочущее ощущение.

Не зря он вырос в Хэхуань.

Хорошо, что я железобетонный натурал.

Но Чу Синлань всё равно почувствовал, что фраза звучит как-то неправильно.

Получалось, будто он мерзавец, который натянул штаны и сразу отказался от человека.

Их отношения явно не развивались настолько стремительно.

Ты натурал, я натурал. Мы оба прямее меча.

— Прекращай. Я не верю, что ты вдруг согнулся ради любви. Не знаю, зачем ты ко мне липнешь, но сейчас здесь никого нет — можно уже не играть.

Когда любишь человека, полностью скрыть это невозможно. А между ними сейчас в лучшем случае существовал временный союз бывших врагов.

Если между ними действительно уже есть любовь, пусть имя Чу Синланя пишут задом наперёд.

Чу Синлань пользовался помощью Мин Сиюэ, чтобы найти новый путь культивации, а Мин Сиюэ, похоже, использовал Чу Синланя как щит от чего-то своего.

Они оба использовали друг друга.

— Когда найдёшь настоящую «фею Нинсян», которую действительно полюбишь, я обязательно объясню всем, что между нами были только слухи. Будете жить счастливо и любить друг друга.

— Почему ты никак не поверишь, что я и правда влюбился в тебя с первого взгляда?

Мин Сиюэ смотрел вслед уходящему Чу Синланю. Его скучающий взгляд вновь прочно зацепился за фигуру впереди, а пальцы лениво играли с мечом Чу.

Воспользовался — и выбросил?

— Отпусти! Я мужчина! Любовь к натуралу не имеет будущего!

— А если я не хочу отпускать? Мир культивации такой скучный. Людей настолько интересных, как ты, здесь не так уж много.

Раз уж жизнь культиватора длинна и тосклива, почему бы им просто не продолжать вот так тянуть это друг с другом?

Черты Мин Сиюэ всё ещё выглядели привычно. Юноша в красном стоял на ступенях внизу и смотрел, как фигура Чу Синланя исчезает вдаль, но невозможно было понять, какие мысли скрываются в его глазах.

— Синлань, мы ещё увидимся.

Почему Чу Синлань всё никак не верит его словам?

Мужчина — и что с того? Дао-партнёра он выбрал сам. Даже если придётся ползти всю дорогу на коленях, всё равно будет идти до конца.

<http://bllate.org/book/20989/2161509>